

Дамиано Ребеккини

“Ты не себе принадлежишь...”

Субъект и власть в ранних дневниках Александра II (1826–1839)

“You Don’t Belong to Yourself...”

Subject and Power in the Early Diaries of Alexander II (1826-1839)

This article analyses the personal journal of Aleksandr Nikolaevich (the future Alexander II) when he was heir to the throne from 1825 to 1839. Held at the Russian State Archive in Moscow (GARF), the journal has not yet received significant scholarly attention. The article examines Aleksandr’s journal in the context of a romantic culture of intimate journaling at the court of Tsar Nicholas I, and, in particular, outlines four different models of journals available to the heir while composing his diary: (i) the diary of his mother, the Empress Aleksandra Fedorovna; (ii) that of his father, Tsar Nicholas I; (iii) that of his tutor Vasili Zhukovskii; (iv) that of his governor Karl Merder. The author demonstrates how Aleksandr Nikolaevich’s journal in its design, language and its choice of subjects openly rejects the model of romantic journal embodied by his mother, while also rejecting Zhukovskii’s model, which treats the diary as a form of discovery and expression of the author’s intimate self. The author reveals how the heir’s diary is modelled after that of his father’s journal, who interpreted the diary as a tool of self-control and self-discipline.

Дневник наследника Александра Николаевича, будущего Александра II (1818–1881), прежде не становился предметом специального рассмотрения¹. Между тем, речь идет о

любопытном документе как по обстоятельствам, сопутствовавшим его появлению на свет, так и по обусловившим его факторам. Он позволяет увидеть, как в особом контексте придворной культуры николаевской эпохи ставятся под

¹ Сколько нам известно, существует лишь одна-единственная работа, посвященная дневнику будущего императора Александра II, имеющая к то-

му же популярный характер, см. Захарова 1993: 54–59.

сомнение и получают новую интерпретацию типичные черты личного дневника романтической эпохи. В настоящей статье мы попытаемся понять, как и почему это происходило.

Начнем с внешнего описания источника. Как часто случается, дневник Александра Николаевича не представляет из себя единого текста, но состоит из целого корпуса документов. В Государственном Архиве Российской Федерации хранится значительное число тетрадей в кожаном переплете, в которых Александр Николаевич делал записи на русском языке в период с 1 января 1826 г. до начала апреля 1839 г., т.е. с того момента, как ему исполнилось семь лет, и до того, как он почти достиг 21-летнего возраста². Поначалу дневник велся регулярно, а затем в нем стали появляться лакуны. С течением времени почерк Александра Николаевича становился все менее и менее разборчивым, порой напоминая манеру письма Николая I³. Вместе с тетрадями находится целая серия

дневников, созданных по особым случаям, например, во время путешествия 19-летнего наследника по России (с 2 мая по 12 декабря 1837 г.) и его воюжа в Европу уже в возрасте 20 лет (с начала мая 1838 г. до марта 1839 г.). Как кажется, структура и функция этих документов несколько отличается от первого типа дневниковых материалов⁴. Наконец, существует дневник, записи в котором принадлежат не только наследнику и охватывают большой промежуток времени (1818–1844). Вероятно, в глазах Александра Николаевича он обладал большой символической ценностью, о чем в том числе свидетельствует его дорогостоящий переплет⁵. Рядом с этими доку-

² Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 678, оп. 1, ед. хр. 268–290. Все даты, упомянутые в статье, приводятся по юлианскому календарю (по старому стилю).

³ См. Захарова 1993: 54.

⁴ См. ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 287 (Дневник Александра Николаевича во время поездки по России, с 1.5.1837 до 12.12.1837), ед. хр. 288 (Дневник Александра Николаевича во время поездки по Европе, с 2.5.1838 до 31.3.1839), ед. хр. 289 (Дневник Александра Николаевича во время поездки по Европе, с 31.3.1839 до 10.4.1840); Ф. 678, оп. 1, ед. хр. 860 (Журнал путешествия в.к. Александра Николаевича за границу 1838–1839 гг.).

⁵ См. ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 281 (Тетрадь с записями дневникового характера 1818–1844). Документ прежде не рассматривался, поскольку его микрофильмированной копии не существует, а подлинник тетради в читальный зал не выдавался.

ментами мы также видим значительное количество тетрадей, которые нельзя назвать дневником в настоящем смысле слова. Скорее, это памятные книжки, где исчислялись обязанности Александра с 1829 г. и до самой его смерти⁶. Если мы хотим понять, как Александр Николаевич интерпретировал свой дневник, и определить его жанровую функцию, нам необходимо учесть популярность дневниковой культуры в придворной среде и проанализировать отдельные источники, от которых мог отталкиваться наследник. В мире Александра писание дневника не только являлось весьма распространенной практикой, но, более того, всячески поощрялось. Когда наследник был еще ребенком, дневники регулярно вели самые близкие ему люди: мать – принцесса Шарлотта (1798–1860), дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III, ставшая в 1817 г. женой великого князя Николая Павловича и взявшая имя Александра Федоровна; отец – Николай Павлович, русский император с 1825 г. (Александр в это время было 7 лет); наставник – Василий Андреевич Жуковский (1783–1852); воспита-

⁶ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 291–335.

тель – генерал Карл Карлович Мердер (1787–1834). После того как наследнику исполнилось 6 лет, Жуковский и Мердер проводили с ним много времени. Так, именно Мердер мог вблизи наблюдать за тем, как Александр ведет свой дневник.

Дневник матери наследника Александры Федоровны – это образец *journal intime*, типичного для романтической эпохи⁷. Неслучайно он почти полностью написан на родном для нее немецком языке. Шарлотта выросла в разгар наполеоновских войн, когда антифранцузские настроения при прусском дворе достигли своей кульминации. Лишь некоторые части ее дневника содержат записи на французском и русском языках⁸. В детские годы Александра дневник его матери по большей части был посвящен внутренней жизни молодой великой княгини, которой в 1818 г. минуло двадцать лет. По крайней мере вначале она не занима-

⁷ Описание интимного дневника романтической эпохи см. в работах Girard 1963; Didier 1976.

⁸ ГАРФ, ф. 672, оп. 1, ед. хр. 409–430. В частности, тетради с записями на французском языке см. в единице хранения 428, на русском языке – в единице 430.

лась вдумчивым наблюдением за окружающими ее людьми и оценкой известных ей общественных фактов. Прежде всего ее интересовали ее собственные ощущения, чувства, желания, надежды. Последняя запись в одной из тетрадей дневника сделана 31 декабря 1820 г.: “Прощай милый мой зеленый друг. Четыре года и два месяца я делилась с тобой всеми самыми затаенными переживаниями”⁹. Во время первых лет, проведенных при русском дворе, дневник служил Александре Федоровне настоящим конфидентом – она поверяла ему свои самые сильные ощущения. Как представляется, дневник предназначался исключительно ей самой. Великая княгиня описывает чувства, которые она испытывает, живя рядом с мужчиной, Николаем Павловичем. Постепенно она ближе узнает мужа и проникается к нему любовью. Именно дневнику она исповедуется о моментах отчаяния, например после выкидыша: “Я потеряла бедного малыша, что носила во чреве, он страдал и умер в моем теле, я стала его могилой”¹⁰. Она рассказывает о своем душевном состоянии

при встрече с жизнью роскошного и церемонного русского двора, столь отличного от непринужденной и неформальной обстановки двора в Берлине. Внешние факты и окружающие ее люди оказываются в центре повествования главным образом тогда, когда она описывает впечатления, которые они вызвали в ее душе. “Что за прелесть Жуковский. Столь прекрасную душу редко можно сыскать на свете, не говоря уже о России! – Он так мне верен и предан. Порой он смотрит на меня так, будто я – само совершенство, идеал, и при всем том ему-то мои недостатки хорошо известны”¹¹. Во время своего первого после замужества возвращения в Германию Александра Федоровна оставляет в дневнике запись о впечатлении от своего знакомства с Гете: “Я полагала, что увижу остатки бывшего величия [...] а нашла высокого и стройного человека, с очень приятными чертами лица и со столь пронзительными и страстными глазами, которых я прежде никогда не видела у людей его возраста”¹². Она внимательно фиксирует свои ощущения в тот момент, когда в роли Лал-

⁹ ГАРФ, ф. 672, оп. 1, ед. хр. 426, л. 281.

¹⁰ Там же, л. 285.

¹¹ Там же, л. 305.

¹² Там же, л. 330.

ла Рук участвует в знаменитом маскараде при берлинском дворе¹³. По возвращении в Россию она рассказывает о своих впечатлениях от разговоров с Александром I, посвященных воспитанию первенца Александра Николаевича:

Мы говорили о Саше и немного о воспитании детей, оказалось, ему не нравится, когда дети проявляют ласку, ибо уверены, что достойны любви просто потому, что так их научили наставницы. Между тем их к этому специально приучают, им внушают подобную мысль. Он, безусловно, прав, утверждая, что естественность, даже отсутствие воспитания лучше принуждения, которое рано или поздно породит в человеке фальшь и притворство. Ему очень не понравилось, что Саша присутствовал на параде в Павловске, где ему были отданы надлежащие почести; мне внушает большую радость его убеждение в том, что у ребенка необходимо создать впечатление, будто

он не великий князь, дабы он не воображал, что лучше остальных. Именно в этом и состоит искусство или основание всякого доброго воспитания. Обо всем этом я напишу Никсу [Николаю I – Д.Р.]¹⁴.

Таким образом, в первые годы при русском дворе дневник был прежде всего другом Александры Федоровны. Именно там она рассказывала о своих эмоциях и чувствах, о которых не всегда можно было поведать кому-нибудь другому. В конце дневника она пишет, что, перечитывая записи, сделанные за прошедшие четыре года, она читает саму себя¹⁵.

Отец Александра Николаевича великий князь Николай Павлович (1796–1855) также вел дневник, когда его сын был мальчиком. Первая его запись датирована 1 января 1822 г., последняя – 13 декабря 1825 г. Дневник написан на французском языке и недавно опубликован в переводе на русский (Николай Павлович 2013). Выбор в пользу французского языка соответствовал семейной (сестра Николая

¹³ Там же, л. 294.

¹⁴ Там же, л. 381–383.

¹⁵ Там же, л. 281.

Мария Павловна в Веймаре также вела дневник по-французски) и, в особенности, придворной традициям. В эпоху Александра I французский язык по-прежнему активно использовался в частной жизни, в то время как русский чаще служил для официальной переписки по государственным делам (Offord, Argent, Rjéoutski 2018: 202–206). Впрочем, порой великий князь прибегает к отдельным русским словам, приводя имена собственные (сын Саша, Жуковский и пр.) или рассуждая о предметах или ситуациях, с трудом переводимых на другие языки (например, дрожки, обоз, панихида, шеренги и т.д.) (Offord, Argent, Rjéoutski 2018: 204). Как замечают М.В. Сидорова и М.Н. Силаева, составленные великим князем тетради имеют структуру, более соответствующую “памятным книжкам”, нежели “journal intime”¹⁶. По

¹⁶ Этот вывод подтверждается не только весьма небольшим форматом тетрадей, соответствующим карманным книгам (15х10 см.), но и их названием. Первый лист записной книжки 1822 г. содержит типографскую надпись “Памятная книжка для записывания нужных дел или достопамятностей”, а на титульных листах следующих трех книжек выставлены слова “Памятная книжка”. См. Николай Павлович 2013: 11.

большей части перед нами “записки, сделанные очень конспективно, беглым ‘телеграфным’ стилем, без какой-либо эмоциональной оценки” (Николай Павлович 2013: 3). Лишь изредка, по особым случаям, подобным смерти брата Александра и в преддверие собственного восхождения на престол, великий князь по-настоящему дает выход своим чувствам. 17 ноября 1825 г. он записывает:

Во время Tedeum Гримм стучится в дверь, выхожу сразу, в библиотеке моего Отца, Милорадович, вижу по его лицу, что все пропало, все кончено, что нашего Ангела [Александра I – Д.Р.] нет больше на этой земле! – конец моему счастливому существованию, что он для меня создал! Его службе, его памяти, его воле я посвящаю остаток моих дней, все мое существо, помоги мне Господи и дай мне его в Ангелы-хранители (Николай Павлович 2013: 674).

Дневники Николая Павловича в основе своей сводятся к достаточно тщательной и точной фиксации всех его перемещений и встреч, случив-

шихся в течение дня, вероятно, сделанной следующим после описанных событий утром. Речь идет о дневнике, который очевидным образом не предполагал иных читателей, кроме самого Николая. В особенности автору дневника важно отмечать совершенные им действия и указывать людей, встреченных в течение дня. Он делает это чрезвычайно скрупулезно, причем даже тогда, когда речь идет о самых простых и рутинных поступках и второстепенных лицах. Дотошность великого князя доходит до того, что он пунктуально указывает тип кареты, в которой ездил, имя лошади, на которой сидел верхом, и иногда даже появление нового лакея (Николай Павлович 2013: 14). Самые подробные записи посвящены военным инспекциям, которые всегда сопровождаются лаконичным суждением в форме одного-единственного имени прилагательного или наречия: “поехал с А. Бенкендорфом в городской коляске в экзерциргауз Михайловского замка, развод батальона гвардейских саперов, великолепно, пикет учебный, хорошо” (Николай Павлович 2013: 375). В центре внимания Николая оказываются не только военные упражнения. Он также

делает записи о состоянии здоровья близких ему людей, в первую очередь супруги и детей. Частота его встреч с ними, множество мелких деталей позволяют почувствовать всю силу его любви к жене и необыкновенную отеческую заботу о детях, с которыми он часто проводил вечера, занимая их детскими играми. Внимание Николая Павловича к родным нехарактерно для русских царей, не говоря уже о расхождении с типичным родительским поведением начала XIX в. Великий князь повествует о событиях, порой даже сообщает об отдельных сказанных словах. Вместе с тем, никаких следов его переживаний мы в дневнике не находим:

В час жена родила мертвого мальчика, с недолгими, но сильными болями, не кричит, делают все, чтобы вернуть ребенка к жизни, бесполезно! [...] Успокоил жену, все идет хорошо, дремал, утром видел госпожу Гесс и потом лейтена [акушерку и лейб-медика – Д.Р.], чувства жены успокаиваются, иду поменяться (Николай Павлович 2013: 291).

Чувства и эмоции, идеи и размышления Николая остаются за пределами дневника. Великий князь фиксирует действия – чтение (“читал”) или разговор, имя собеседника, но почти никогда не указывает тему обсуждения или название прочитанного сочинения. Более того, он не анализирует мысли или ощущения, возникшие у него в процессе чтения или беседы. Отмеченные таким образом, разговор и знакомство с книгой, кажется, абсолютно неотличимы друг от друга. Это социальные практики, лишенные уникального познавательного смысла. Николай лишь изредка доверяет дневнику свои суждения и притом в крайне сжатой форме: “к Ангелу [Александрю I – Д.Р.], принимает меня, говорили полтора часа, милостив и добр, потом к императрице, ждал, принимает меня, кисло-сладко” (Николай Павлович 2013: 300). События, оказавшие сильное влияние на городскую жизнь, например, петербургское наводнение ноября 1824 г., фиксируются прежде всего как объективный математический факт, однако о его возможных причинах или о мерах, которые необходимо принять в будущем, ничего не говорится:

“поехал с Геруа в городской коляске к Ангелу, ждал, принимает меня в рубашке, говорил, очень огорчен разгромом, ужасные подробности, 400 человек погибло, попорчено ужасно, вода на площади и на улицах в два с половиной аршина, на 11 футов выше нормального уровня” (Николай Павлович 2013: 495). Разумеется, точность приводимых данных способна служить инструментом анализа ситуации, однако сам разбор остается вне текста.

Дневниковые записи Николая Павловича демонстрируют его стремление к тщательной фиксации событий, даже в самых рутинных их аспектах (встал, работал, оделся, читал, ужинал, разделся, лег). Как представляется, таким образом он не столько старался упорядочить свою жизнь, наделять ее логикой или найти указующую путеводную нить, сколько желал удержать в памяти наибольшее число возможных фактов своего существования. По-видимому, осознание важности текущего момента подталкивает его к тому, чтобы отмечать всякое действие с максимально возможной точностью. Неслучайно, единственным периодом времени, когда Николай ведет дневник, являются годы,

предшествующее его восхождению на престол. В его дневнике не заметна спонтанная и естественная тенденция к письменному размышлению о полученном опыте и пережитых эмоциях, как это было в случае с Александрой Федоровной или с Жуковским. Дневник Николая – это не место определения и построения индивидуальной идентичности: рассуждения экзистенциального или религиозного типа здесь полностью отсутствуют. Дневник служит инструментом памяти, способным принести Николаю пользу в течение его царствования. Прежде всего документ обусловлен необходимостью точной фиксации внешних фактов бытия. Речь идет о склонности к “учету существования”, которая, согласно Алену Корбену, “определяется не только одержимостью грехом, но и страхом утраты”, особенно беспокоившим человека XIX столетия. Страх побуждал его постоянно, даже в те моменты, когда практическая необходимость полностью отсутствовала, вести “учетные книги собственного существования” (Corbin 1988: 361–365). К тревожному стремлению контролировать себя, “производить” ежедневный “смотр” своим действиям, добавляется

нужда в их учете. Каждый день Николай записывает фразы вроде “Встал в 8, работал [...] обедал в 11 ч. с моими [...] ужинал, говорил, разделся, лег” (Николай Павлович 2013: 609–610). Судя по дневнику, великий князь знал только один способ запечатлеть свою жизнь – фиксировать идентичные поступки. В дневнике его не интересуют сходства или различия между людьми, действиями, жестами, книгами. Он не пытается дать психологический анализ, размышлять о смысле и нравственной стороне собственного поведения или о придворных нравах. Главным образом, текст характерен уникальным стремлением описать внешние факты человеческого существования. Таким образом, дневник Николая скорее свидетельствует о борьбе со всепоглощающей властью времени, нежели о поиске смысла жизни – эмоциональной, нравственной или религиозной. Смысл обретается в повторении одного и того же; его фиксация – это форма сопротивления тем изменениям, которые связаны с течением времени и истории.

В период детства и юности Александр Николаевич многие часы проводил в обществе своего воспитателя Карла

Карловича Мердера, а затем – своего наставника Василия Андреевича Жуковского. Жуковский разработал для наследника план полного курса наук. По договоренности с царем было условлено, что с Александром обучение пройдут два его товарища Александр Паткуль и Иосиф Вильгорский. Занятия Александра длились довольно долго: в 1828 г. десятилетние великий князь, Паткуль и Вильгорский проводили с преподавателями около восьми часов в день (Лямина, Самовер 1999: 102). В 1832 г., когда наследнику исполнилось 14 лет, он начинал учиться в 6 часов утра и заканчивал в 8 или 9 часов вечера, при этом предусматривались только три часовые паузы, лишь один или два часа отводились на индивидуальные занятия (Годы учения 1880: 46–47). В последующий период, в 1836 г., количество ежедневных учебных часов с преподавателями сократилось (до 6-ти), однако возросло число часов, предназначенных для индивидуального обучения и чтения (3–4; тем не менее, в это время Александр часто находился в компании Жуковского) (Годы учения 1880: 50). С Мердером наследник провел значимую часть своего детства и отроче-

ства – их тесное общение началось в июле 1824 г., когда мальчику было шесть лет, и продолжалось до лета 1833 г., когда Мердер оказался вынужден отдалиться от двора из-за состояния собственного здоровья. Отношения Александра Николаевича с воспитателем были очень близкими: Мердер часто присутствовал на занятиях, всегда состоял при наследнике во время игр, спал с ним в одной комнате. В присутствии воспитателя Александр перед сном заполнял дневник. Свой собственный дневник Мердер вел с перерывами и нерегулярно с 1826 по 1832 гг.¹⁷ Авторская субъектность частично проявляется лишь в первых дневниковых фрагментах 1826 г., когда Мердер рассказывает о личных впечатлениях и приводит рассуждения. Первоначально это скорее дневник двух человек – Мердера и наследника (неслучайно наиболее частотное местоимение *мы*, а не *я*). Первые описания посвящены тому, что Александр и его воспитатель видят и делают. Однако в дальнейшем повествовательный фокус полностью смеща-

¹⁷ См. Мердер 1885, №2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 12.

ется в сторону Александра¹⁸. Очень скоро Мердер начинает тщательно описывать процесс взросления и возмужания наследника, его импульсивную реакцию, его симпатии и антипатии, включая неуважительное отношение к окружающим. По стилю, временами чуть риторичному и литературному, можно догадаться, что перед нами не интимный дневник: со всей очевидностью Мердер предполагал, что текст могут читать и другие люди. Автора больше занимает возможность проследить за формированием и развитием характера Александра Николаевича. Он пишет о 13-летнем наследнике:

В великом князе совершенный недостаток энергии и постоянства; малейшая трудность или препятствие останавливает его и обессиливает. Не помню, чтобы когда-нибудь он чего-нибудь желал сильно и настойчиво. Малейшая боль, обыкновенный насморк достаточен, чтобы его

¹⁸ Ср. эту фразу с записью в дневнике Мердера, представляющую из себя исключение, подтверждающее правило: “Я хотя и не эгоист, но на сей раз я начну с себя...” (Мердер 1885, 2: 352).

сделать мало способным заняться чем бы то ни было (в это именно время). Ему случается провести час времени, в продолжении которого ни одна мысль не придет ему в голову; этот род совершенной апатии меня приводит в отчаяние и я теряюсь совершенно, не находя средства, чтобы придать ему энергии и постоянства (Мердер 1885, 6: 504).

Мердер аккуратно фиксирует положительное влияние на наследника его товарища Иосифа Виельгорского, частое участие императора-отца в вечерних играх сына, ревность между соучениками и их взаимную привязанность. Он также отмечает, как важно Александру Николаевичу присутствие Николая на экзаменах: “Великий князь, зная, что государь император намеревается присутствовать при предстоящих экзаменах, занимается очень усердно приготовлением и повторением уроков” (Мердер 1885, 3: 530). Порой воспитатель делает записи о неуважительном поведении наследника в отношении учителей:

Учением великого князя были все довольны, но в поведении похвалить нельзя. В продолжение чтения г. Жуковского великий князь все время играл руками и шевелился. Г. Жуковский сказал ему, что хорошо бы было бросить эту привычку; вместо того, чтобы следовать совету, Александр Николаевич продолжал играть руками. Василий Андреевич и я изъявили ему удивление наше на его равнодушие к данным ему советам. Когда припадок упорства миновался, видно было, что великий князь стыдился своего поведения. По окончании чтения он просил прощения у г. Жуковского, которой с добротой простил его; вечером же, когда Александр Николаевич писал свой журнал, я ему представил все пагубные следствия его поведения относительно г. Жуковского (Мердер 1885, 3: 539–540).

В общем, со временем авторское я постепенно исчезает из дневника. Он превращается в хронику о поведении и учебной успеваемости наследника.

Перечитывая дневник после смерти воспитателя, Жуковский 4 августа 1835 г. записал: “Вчера я читал несколько в журнале Мердера. Добрый Мердер! Но какое ничтожество! Это чтение наполнило меня грустью и за себя и за великого князя” (Жуковский 2004, XIV: 30).

Дневник Жуковского принадлежит к радикально другой и более сложноустроенной категории текстов. Как уже отмечалось, написанный на русском языке дневник поэта с годами очевидным образом менялся. Его первые страницы созданы в 1804 г., позже Жуковский вел дневник и будучи наставником наследника. Первые дошедшие до нас записи сделаны 21-летним поэтом. Его внимание прежде всего сосредоточено на самонаблюдении и на “микроскопическом анализе душевных переживаний” (Янушкевич 2004: 399). Будучи также инструментом наблюдения над собственным поведением, явно отсылающим к методу Бенджамена Франклина, в данном случае самоанализ, кажется, не нацелен исключительно на преодоление слабостей автора. Момент обретения собственного я и самонаблюдение полностью не ориентированы на процесс самооценки и

поведенческого самоконтроля. Жуковского интересует не только то, что можно усовершенствовать, но и то, что остается в нем неизменным. Его юношеский дневник становится в первую очередь способом определить собственную личность.

Каков я? Что во мне хорошего? Что худого? Что сделано обстоятельствами? Что природою? Что можно приобрести и как? Что должно исправить и как? Что не можно ни приобрести, ни исправить (то есть, есть ли что во мне такое?) Какое щастие мне возможно по моему характеру? Вот вопросы, на решение которых должно употреблять несколько (много) времени. Они будут решаемы малопомалу, во все продолжение моего журнала (Янушкевич 2004: 402).

Как отметил А.С. Янушкевич, “рассказывая о прожитом дне, поэт не стремится к четкой хронике событий. Ему важнее не столько то, что произошло за день, сколько то, как это произошло”. Так “создается хроника душевной жизни” (Янушкевич 2004: 404).

В 1800-е и 1810-е гг. поэт выказывает сильную склонность к самоанализу, типичную для тех, кто вел *journal intime* романтической эпохи. Однако уже начиная с 1820-х гг. Жуковскому становится куда более важно фиксировать события, а не заниматься наблюдением за самим собой (Янушкевич 2004: 408). В течение 1820-х и 1830-х гг. поэт все чаще пишет о местах, в которых он побывал (например, во время своего первого путешествия в Европу в 1820–1823 гг., визита в Париж в 1827 г. и нового вояжа на Запад в 1832–1833 гг.), о встреченных им людях, о событиях европейской культурной и общественной жизни, свидетелем которых он стал и о которых размышлял. Разумеется, новая, взятая на себя в 1826 г. роль – наставника наследника престола – заставила Жуковского обращать в дневнике большее внимание на текущие политические события. Одновременно выросло и осознание поэтом политической значимости собственной опыта жизни при дворе Николая I. Дневник этого времени – это уже не дневник юноши, наблюдающего и изучающего самого себя, или влюбленного, вынужденного считаться с отсутствием своей избранни-

цы. Перед нами дневник придворного, осознающего, что он обучает будущего русского монарха: из “путешествия в себя” документ превращается в “летопись становления общественного человека” (Янушкевич 2004: 410–411). В частности, на рубеже 1820-х и 1830-х гг. дневниковые записи зачастую обращены к наследнику, превращаясь в “маленькие политические трактаты” (Янушкевич 2004: 412). Дневник Жуковского становится местом, в котором поэт не только следит за поведением наследника, размышляет над тем, что нужно ему читать и как строить обучение Александра, но и разрабатывает образ современной европейской монархии, констатируя ее отличия от политической реальности своего времени. Осенью 1826 г. Жуковский составил для наследника план занятий, который был одобрен царем. План предусматривал, что великий князь должен вести дневник (Годы учения 1880: 10): указывалось, что как в учебные, так и в выходные дни наследнику следовало с 9 до 10-ти часов утра писать “обозрение прошедшего дня” в его “журнале” (Годы учения 1880: 10–11). В оде на рождение Александра Николаевича и затем в плане Жуковский отме-

чал, что цель занятий – прежде сделать из него человека и лишь потом царя: “Да на чреде высокой не забудет / Святейшего из званий: человек”. Как показывает дневник Александры Федоровны, того же, впрочем, желали мать наследника и император Александр I. Базовым и структурообразующим элементом задуманной Жуковским образовательной программы должно было служить открытие и постепенное знакомство Александра с собственным я. Следуя идеям знаменитого швейцарского педагога Песталоцци, Жуковский настаивал на центральной роли я как отправной точки познавательного процесса ребенка. Песталоцци писал: “Все то, чем я являюсь, чего хочу, чем должен быть, исходит из моего я. Не из этого ли источника должно направляться и мое познание?” (Pestalozzi 1901, IX: 303). В плане Жуковский подчеркивает, что путеводная нить, которая послужит наследнику в его первоначальном образовании, состоит из четырех вопросов, напрямую связанных с его я: “Где я? Что я? Что быть должен? К чему предназначен?” (Годы учения 1880: 5) Необходимо отталкиваться от постепенного познания собственного я: “Долг воспитате-

ля и наставника состоит единственно в том, чтобы сделать питомца своего способным внимать постановления судьбы и воспользоваться ими с достоинством человека” (Годы учения 1880: 2). В дневнике молодого Жуковского внимательный анализ впечатлений и чувств основывался на ощущении, что на их основе поэт сможет лучше познать собственную личность и тем самым проследовать по неясным пока стезям ожидавшей его судьбы. В своих глубоких исследованиях собственного я Жуковский исходил из того, что его будущий жизненный путь не предопределен: “Эта неясность и отдаленность всегда имеет трогательное влияние на сердце: видишь, кажется, будущую судьбу свою неизвестную, но не совсем незнакомую. Какое-то тайное предчувствие говорит о ней и обнаруживает ее неявственно за прозрачным занавесом” (Янушкевич 2004: 404). Впрочем, “будущая судьба своя” Александра Николаевича как раз была прекрасно известна. В течение детства, отрочества и юности наследника его отец, воспитатель и учителя не упускали возможности напоминать ему об ожидающей его участи (Уортман 2004: 457–459). Сам Жуковский при

начале курса по истории в январе 1829 г. объявил своему ученику: “Вы, великий князь, по тому месту, на которое назначил вас Бог, будете со временем замечены в истории: от этого ничто избавить вас не может; она скажет об вас свое мнение пред целым светом, мнение, которое будет жить в ней и тогда, когда вас и нас не будет” (Из бумаг В.А. Жуковского 1908: 385). Мальчику пяти лет, вероятно, было психологически не просто взять на себя такую ответственность, тем более что многие окружавшие его люди, казалось, не отдавали себе в этом отчета. В тот же месяц Александру Николаевичу не сопутствовали успехи в учебе, реагировал он на это лениво и вяло. Мердер записал в своем дневнике в январе 1829 г.: “Так как в продолжение вечера великий князь показал странную вялость, то мы имели по этому предмету разговор о дурных следствиях, могущих произойти в будущем от его обыкновенной вялости, на что он мне отвечал: ‘Я желал бы не родиться великим князем’” (Мердер 1885, 3: 528). На это воспитатель возразил:

Я сказал ему, что если бы он хорошенько подумал о том, чем должен

быть великий князь, ему бы скорее следовало благодарить Бога, поставившего его в свете таким образом, что от него зависит благоденствие миллионов людей. Это суждение с моей стороны заставило его сознаваться, что он говорил, не подумавши хорошо (Мердер 1885, 3: 528).

В дневнике Мердер отмечал, что осознание ожидавшей наследника задачи часто вводило мальчика в подавленное состояние духа. Речь шла не только об истории или благоденствии миллионов людей, тяжким грузом лежащих на плечах Александра Николаевича, но и о регулярной оценке его действий со стороны отца. Николай, стараясь ободрить сына, часто повторял ему, что Александр – “надежда России”. В апреле 1832 г., когда наследнику исполнилось 14 лет и он стал взрослым, он выписал в дневнике слова, сказанные отцом: “Ты уже больше не дитя, ты должен готовиться заместить меня, ибо мы не знаем, что может случиться с нами. Старайся приобретать силу характера и

твердость”¹⁹. Мальчику не только напоминали о его роли и ожидавшей его ответственности. Александр Николаевич прекрасно знал, как он должен себя вести и какому образцу ему надлежит следовать. Перед его глазами постоянно находился отец, который всем придворным, возможно, за исключением Жуковского и еще нескольких человек, представлялся примером идеального монарха, самоотверженного, преданного своему долгу и готового принести себя в жертву отечеству (Уортман 2004: 459).

Дневник Александра Николаевича в период его отрочества (8–13 лет), юности (13–18 лет) и даже в первые годы его молодости (18–20 лет) не содержит признаков того внимания к внутренней жизни и к психологической интроспекции, столь типичных для дневников той эпохи²⁰. В нем полностью отсутствуют следы работы над собой, анализ собственного я, внимательное

¹⁹ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 277, л. 22 об.

²⁰ Общую характеристику периодов детского развития, которой мы здесь следуем, – отрочество, юность и первые годы молодости – дал сам Жуковский в плане занятий, разработанном для Александра Николаевича, см. Годы учения 1880: 2–3.

изучение своих эмоций, которые мы можем встретить в дневнике Александры Федоровны и, еще в более основательном виде, в дневнике молодого Жуковского. Вероятно, Александр Николаевич был знаком с типом дневника, к которому относились записи его матери²¹. Несмотря на это, в молодые годы он решительно избегал любых форм самоанализа. Жуковский много раз обращал его внимание на методы самоконтроля и самооценки, которые поэт принимал в расчет в молодости, однако в дневнике наследника мы не находим никакого их следа²². Возможно, Александр догадывался, что повышенное внимание к самому себе, собственным стремлениям и желаниям, способно лишь противопоставить его предназначенной ему судьбе. Как следствие, наследник, кажется,

²¹ Александра Федоровна имела обыкновение читать отдельные страницы дневника, который она вела в юности, членам своей семьи. Например, 29 марта 1833 г. Александр Николаевич записал в дневнике: “Я пошел проститься с Папа и Мама, которые читали журнал Мама, когда она была невеста” (ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 278).

²² См., например, то, как Жуковский хотел использовать в обучении Александра таблицы слабостей, разработанные Бенджаменом Франклином: Жуковский 2004, XIV: 10, 416–417.

предпочитал в дневнике взгляд вовне, а не внутрь себя. Внимание Александра концентрируется прежде всего на тех аспектах жизни, которые наиболее близки его отцу. Николай – это, без сомнения, наиболее часто упоминаемый в дневнике наследника человек. Меньшее место уделено матери, совсем мало дневниковых записей отведено Жуковскому, которого Александр едва упоминает в числе прочих учителей. Николай воплощал в глазах сына три ипостаси, которые, согласно Александру Кожеву, являли квинтэссенцию властного принципа: отца, судьбы и военачальника²³. Александр Николаевич с большим тщанием и со множеством деталей фиксирует все то, что связано с парадными и военными упражнениями, а также описывает роль, которую во всем этом играл его отец: его приказы, то, как он определяет диспозицию корпусов и взводов, и т.п. Александр подробнейшим образом записывает суждения отца о том, сколь успешным оказался тот или иной маневр или упражнение. Определенное внимание он уделяет событиям политической жизни

²³ См. Alexandre Kojève, *La notion de l'autorité*, Gallimard, Paris, 2004.

государства, в особенности войнам и восстаниям. Великий князь отмечает успехи отца в русско-турецкой войне; будучи только семилетним мальчиком, он сразу же понимает всю важность декабристского восстания и ежегодно упоминает о своем посещении благодарственного молебна в память о 14 декабря. Скажем, в 1831 г. он пишет: “Был на молебне в Аничковом дворце в память 14 декабря 1825 года – день, который я никогда не забуду” (Захарова 1993: 54). Наследника, казалось, весьма взволновало польское восстание 1830–1831 гг. Он пишет, что сопровождал войска, отправлявшиеся на польскую кампанию, и радостно встречал их, когда они вернулись обратно (Захарова 1993: 54). Николай порой сам указывал сыну на политические образцы, которым было необходимо с точностью следовать. 16 апреля 1827 г., накануне своего дня рождения, царь подарил Александру портрет Петра Великого, сказав при этом, что следует “быть ему подобным”²⁴.

Судя по дневнику Александра Николаевича, Николай был для него не только главнокомандующим, но и самым авторитетным судьей – как в от-

ношении его поступков, так и применительно к учебе. Царь часто присутствовал на экзаменах, которые наследник и его товарищи сдавали дважды в год. Именно император регулярно награждал того из них, кто получал лучшие оценки. Учитель наследника Юрьевич описал одно из ежедневных посещений соучениками царя, 20 ноября 1828 г.:

Его Величество изволил по обыкновению спросить у детей, кто из них лучше аттестован за уроки. Оказалось Виельгорский, почему Государь удостоил его первого позвать к себе и, поцеловав, приказал на будущее время подходить к себе первым тому, кто лучше аттестован в журнале [...] Вечером Великий Князь сказал Карлу Карловичу, что теперь Виельгорский не всегда будет первым (Лямина, Самовер 1999: 87).

Впрочем, сам Жуковский стремился сделать Николая своего рода высшим судьей в деле обучения наследника: “Мысль об отце, – писал он в Плане занятий, – должна быть его тайною совестью. Тогда только одобрение отца будет

²⁴ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 270, л. 1.

для него благодетельным счастьем и действительным поощрением к новым усилиям. То же самое можно сказать и о выражении родительского неодобрения. Его Высочество должен трепетать при мысли об упреке отца” (Годы учения 1880: 17). Дневник Александра Николаевича свидетельствует о многочисленных попытках отца заставить сына почувствовать себя ответственным за собственную учебу. Сам наследник признавал, что часто бывал рассеян и безволен: “За уроком был вял”, “неохотно занимался”, “мною лень овладела и я не мог ее переломить”, “вел себя неприлично, не знал заданного урока, был невнимателен и буфонил” (Захарова 1993: 55). Постепенно влияние отца и учителей, кажется, возымели свое действие. 5 августа 1831 г. Александр Николаевич записал в дневнике: “Я начинаю чувствовать удовольствие в занятиях и понимаю теперь, что непременно нужно учиться, ибо без того я сам буду несчастлив и сам сделаю несчастье целых тысячей”²⁵. И при всем том наследник почти никогда подробно не описывает содержательную сторону своих занятий. Он лишь ко-

²⁵ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 275, л. 60.

ротко упоминает предмет, имя учителя и иногда тему лекции, но почти ничего не говорит о своих впечатлениях от услышанного, не выносит суждений, не пишет о дисциплинах, которые ему больше нравятся, или о преподавательской манере своих учителей.

В то же время, дневник свидетельствует о попытках отца подавить в сыне проявления сильной эмоциональности. По крайней мере до 10 лет Александр Николаевич часто плакал, порой без особой на то причины. Он писал 31 декабря 1827 г.: “Надеюсь, в будущем году не буду столько без причины плакать” (Захарова 1993: 55). Дневник не служил наследнику пространством, в котором можно было наблюдать за самим собой и анализировать свои ощущения, как происходило в *journal intime* романтической поры. Он становится местом, где эмоции осуждаются и подавляются. 25 апреля 1828 г., когда Александру было 10 лет, он записывает в дневнике: “Прощался с Папа. Он едет в Тульчин. Папа мне сказал, что когда мне захочется плакать, то вспомнить, что я солдат”²⁶. Жуковский стремился развить в наследнике

²⁶ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 270, л. 61 об.

максимально гармоничную личность, способную внимать как чувственным, так и рациональным аргументам. Николай, в свою очередь, хотел сделать из него “военного в душе” человека. 21 августа 1832 г. Мердер записал в дневнике слова, сказанные ему царем: “Я заметил, сказал мне государь, что Александр показывает вообще мало усердия к военным наукам; я хочу, чтобы он знал, что я буду непреклонен, если замечу в нем нерадивость по этим предметам; он должен быть военный в душе, без чего он будет потерян в нашем веке” (Мердер 1885, 12: 514). Царь с самого его детства призывал сына участвовать в упражнениях и в свободное время даже предписывал ему носить мундир: “Папа приказал нам теперь, когда теплое время, гулять в мундире”²⁷.

Кроме того, Александр, подобно Николаю, в дневнике уделял особое внимание семейной жизни, ничего не говоря при этом о своих внутренних переживаниях. Он аккуратно заносит сведения о состоянии здоровья матери и братьев, передает рассказы из

семейной мифологии: “мама мне рассказала некоторые подробности о смерти Павла I” или, например:

обедал один с моим бесценным родителем и тут папа мне рассказал как императрица Екатерина заставила Петра III низложиться, как он был убит Орловыми в Ропше, как она вошла на престол, обходилась с Павлом и, наконец, о вступлении на престол Павла I и его умерщвлении, и не велел мне никому о сем говорить²⁸.

Николай играл с Александром с самого его раннего возраста, они проводили много времени вместе. Императору удалось установить с сыном по-настоящему дружескую связь, не только основанную на уважении, но и проникнутой большой любовью. Благодаря этому император активно развивал в наследнике чувство особой семейственности. Например, в дневнике за 1834 г. Александр рассказывает: когда ему исполнилось 16 лет и он стал совершеннолетним, отец отвел его в Петропавлов-

²⁷ Запись в дневнике от 10.04.1833, см. ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 278 (нумерация листов в данной единице хранения имеет неопределенный характер).

²⁸ Запись в дневнике от 11.03.1833, см. ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 278.

скую крепость и, оставшись наедине, говорил об ожидающем его бремени, рекомендовал всегда обращаться к отцу и матери в случае сомнений и затруднений. Указав на могилы Павла I и Александра I, император по-французски попросил сына временами навещать его, когда он воссоединится с братом и отцом. Александр заключает: “я никогда этого не забуду”²⁹.

Идя навстречу пожеланиям отца, в дневнике Александр уделяет определенное внимание событиям придворной и общественной жизни. В связи с церемониями, праздниками, балами или застольями Александр тщательно описывает свою роль в действе, собственный мундир, место за столом, фрейлин, с которыми он танцует. Из дневника явно складывается ощущение, что наследник осознавал всю важность публичных моментов. Как подчеркивает Ричард Уортман, Николай I в разработке семейного сценария власти постарался максимально уменьшить частное пространство при дворе и стремился превратить свой двор в театральную сцену, на которую

взирали бы все его подданные. Император пытался сделать так, чтобы его семья стала образцом для подражания: “Частная жизнь становилась театрализованной демонстрацией и политических, и домашних обязанностей, а семейная жизнь Николая – предметом внимания и даже наблюдения его подданных” (Уортман 2004: 438). Заметное в дневнике Александра предпочтение публичной жизни частной, внутренней, также стало результатом сознательной идеологической установки его отца. То же можно сказать и о внимании Александра к театральной жизни Петербурга: нередко наследник делал записи об увиденных им спектаклях, об актерской игре, о реакции своих близких. При всем том немаловажно, что личному чтению в дневнике отводилось намного меньше места. Подобно отцу, Александр Николаевич лаконично отмечает: “читал”, и почти никогда не указывает названия книги и не добавляет никаких комментариев.

Если мы сравним записи в дневнике наследника с записями в дневнике молодого Николая, то обнаружим, что выбор сюжетов и их иерархия не слишком отличаются друг от друга. Дневник Александра

²⁹ Запись в дневнике от 16.04.1834, см. ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 280, часть 1, л. 20.

прежде всего фиксирует события, которые равным образом интересовали и его отца. В каком-то смысле, автором дневника Александра скорее является Николай I, а не сам наследник. Это ощущение окрепнет, если мы сопоставим дневник Александра с юношеским дневником его товарища по занятиям Иосифа Виельгорского (Лямина, Самовер 1999: 201–312). Как отмечают Екатерина Лямина и Наталия Самовер,

в журнале молодого Виельгорского политике отведено довольно скромное место. Всю силу рефлексии Жозеф направляет на собственную душевную жизнь и наиболее подробно пишет именно о ней [...] Юноша не только фиксирует факты и впечатления – в полном соответствии с жанровой природой дневника, но и сопоставляет, загадывает наперед, оглядывается на прошлое. Его журнал пронизан переключками, игрой ассоциаций и неожиданных сближений (Лямина, Самовер 1999: 197–198).

В частности, дневник Виельгорского 1838 г. свидетельствует о напряженном стремлении юноши к максимальному нравственному совершенству; из него становится видно, что Иосиф отвергал поверхностную жизнь двора, был склонен к одиночеству, граничившему с мизантропией, чувствовал необходимость в моральных и духовных исканиях и часто находил в чтении Евангелия или сочинений философов-моралистов образец для сравнения и материал для рефлексии над собственной личностью и судьбой: “от страстных духовных поисков к отчаянию и озлоблению – в этих мучительных метаниях заключен основной нерв дневника” (Лямина, Самовер 1999: 201).

В дневнике Александра мы не найдем и следа душевных терзаний. Дневник – это место, в котором он усваивает мировоззрение, вкус и систему ценностей отца и в то же время учится контролировать свои страсти, увлечения и желания. Наиболее явно эта тенденция проступает в двух дневниках путешествий – 1837 г. по России и 1838–1839 гг. по Европе. Император дал сыну четкие указания не только о том, что тому следует делать и как себя вести с самого

начала поездки, но и о том, на что ему надлежит обращать особое внимание. В начале дневников Александр подробно записывает отцовские инструкции. Относительно России царь оставил пунктуальные предписания о том, с какими представителями власти надо встретиться, какие присутственные места посетить. Он составил детальный план рабочего дня своего сына:

По приезде на место посетить в губернских городах собор, или даже в уездах те места, где хранятся предметы особого Богомолия. Засим по приезде на квартиру обедать, призывая к столу только губернаторов, вечер посвятить записыванию в журнал всего виденного в течении дня и ложиться пораньше спать. На другое утро, встав в 7 часов, ежели воскресный или праздничный день, быть у обедни в соборе. Потом в условленное время принять представление дворянства, чиновников и купечества, потом видеть те полевые войска, которые в том месте находятся, гарнизонных

же не нужно (Венчание с Россией 1999: 22).

Дневник путешествия – это не текст, в котором фиксируются впечатления и описываются эмоции, испытанные на новом месте и в непредвиденных обстоятельствах. Напротив, ведение дневника становится формой дисциплинирования, он ориентирован на сбор информации, способной казаться полезной в будущем. Царь писал сыну 9 июня 1837 г., что записи в дневнике служат самоконтролю и являются родом службы: “журнал хоть трудновато молодежи писать, но им оно здорово, ибо приучает к трудам и службе и очень пригодится вперед” (Венчание с Россией 1999: 140). Уверенный в важности символической функции путешествия, Николай даже предписывает наследнику точные правила поведения во время светских раутов:

Буде наследник будет зван на бал, принимать подобные приглашения в губернских городах, в прочих отклонять, извиняясь неимением времени. На сих балах Его Высочеству танцевать с некоторыми из почетных дам польский, с моло-

дыми же знакомыми или же лучше воспитанными – французской кадрили две или три, но никаких других танцев. На ужин не оставаться и вообще не более часу или двух (Венчание с Россией 1999: 22).

Эти указания – как Общая инструкция, так и Наставление для путешествия – наследник дважды переписал собственноручно. Самые важные части текстов он поместил в личный дневник, полный вариант инструкций был скопирован в начале дневника путешествия. Таким образом наследник стремился глубже усвоить отцовский образ мысли и постоянно напоминать себе о целях своего путешествия. Записывая слова родителя, Александр постепенно впитывал его принципы и систему иерархий, его мысли и чувствования.

Дневник ничего не говорит о подлинных эмоциях наследника. Эта тенденция наиболее явно проступает во время его путешествия по Европе. Перед отъездом Александр увлекся одной из фрейлин, полькой Ольгой Калиновской, с которой он вступил в связь. Последнее обстоятельство весьма взволновало как его

родителей, так и двор в целом. Отец разными способами пытался разлучить влюбленных. Более чем годичное путешествие по Европе должно было, таким образом, не только помочь наследнику забыть о своей страсти, но и дать ему возможность найти себе жену, равную ему по титулу. Юноша чаще обычного записывает в дневник цитаты из Евангелия, однако мы не находим и следа того отчаяния, которое, напротив, вполне проявляется в письмах наследника к его родителям. Николай отдавал себе отчет в риске, которому подвергался Александр: семейная история Романовых в этом отношении была красноречива. Царь прибег ко всем психологическим средствам, которые были у него в распоряжении. Он постарался опереться на религиозное чувство сына: “Вспомни, что ты исповедался и с нами приобщался! И даже тут не пробудилось в тебе чувства доверенности к родителям” (Переписка цесаревича 2008: 93). Он добавляет: “Ты говоришь, что у тебя от твоего положения развилась склонность к религиозным высоким чувствам: докажи это на деле: победи свою страсть” (Переписка цесаревича 2008: 93). Александр умолял отца по крайней мере от-

ложить европейские поиски невесты: “Поставь себя, милый папа, на мое место, скажи по совести, решился ли бы Ты жениться на той, которую *не любишь*, и сделать *ее, невинную жертву*, насчастною на всю жизнь и себе самому испортить все свое существование” (Переписка цесаревича 2008: 87). Он продолжает:

я нахожусь ныне в таком положении, что не чувствую себя способным привязаться к другому лицу, знаю, однако, что я перед Отечеством своим обязан вступить в брак, но время еще терпит, чувство теперешне может охладеть, тогда я буду свободным и непременно буду искать случая исполнить *Долг мой* (Переписка цесаревича 2008: 87).

Однако отец не был склонен ждать и, стремясь навязать сыну свое решение, особенно сильно апеллировал к его патриотизму: “ты должен помнить, что тебя Бог поставил так высоко, что ты не себе принадлежишь, а своей родине, она от тебя ждет достойного выбора” (Переписка цесаревича 2008: 93). В последующие месяцы наследник

уступил воле отца и обручился с будущей Марией Александровной. В целом, в дневнике Александра трудно отделить его личность от его *персоны*. Как пишет Уортман, “подлинная личность наследника тесно сплетена с тем образом, который он воплощает” (Уортман 2004: 24). Лишь единственный раз в дневнике проступает все отчаяние Александра. Характерно, что ему не удается найти слов, дабы выразить свое чувство. В дневнике наследник никогда не приводит стихов, что, напротив, часто делала его мать; он далек от поэтической культуры. Однако в тот момент, когда он возвращается в Петербург, уже приняв решение сочетаться браком с будущей Марией Александровной, Александр Николаевич передает состояние своей души с помощью нескольких строк из французского автора, которые он переписывает в дневник: “Lorsque dans le desert qu’on appelle la vie, / Rien ne s’offre à nos yeux que puisse les charmer / Qu’à nos yeux les plus chères l’experience est ravie, / Que le néant lui même a de quoi faire envie, / À l’âme qui veut vivre et ne peut aimer...”³⁰.

³⁰ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 289, л. 115; перевод: “Когда в пустыне, что зовет-

В итоге, дневник Александра Николаевича не превращается ни в пространство выражения собственных чувств, ни в инструмент поисков собственного я. Напротив, он несет в себе следы постепенного процесса отрицания и подавления эмоциональной жизни его автора. Таким образом, дневник становится формой контроля за ощущениями и самодисциплины, что явилось итогом сразу целой серии факторов. С одной стороны, перед нами следствие подражания отцу, который лучше всего олицетворял человека, способного контролировать собственные эмоции, в частности, как военачальник и беспристрастный судья. С другой, наследник развил практику самодисциплины по причине особенных обстоятельств, в которых он рос, – в придворной среде, в которой по воле монарха частная сфера максимально сокращалась, а публичная – расширялась, в том числе за счет *театрализации* семейного бытия императорской фамилии. Семейная жизнь, включавшая и самого наследника, изображалась в качестве

нравственного и политического образца для подданных. Наконец, процесс самодисциплины, проступающий в дневнике, стал итогом постепенного принятия на себя роли наследника престола, играть которую Александр Николаевич был вынужден со своего самого нежного возраста. Положение юноши не давало ему возможности искать собственный путь и часто предписывало необходимость принести его естественные желания и устремления в жертву высокому статусу. В подобном контексте глубокий анализ внутренних переживаний, постепенное раскрытие собственного я на страницах дневника, принесло бы его автору более страданий, нежели наслаждений.

ся жизнью, / Ничто не радует глаз /
 Когда любезные нам очи не светятся
 любовью / Тогда желанно и само не-
 бытие, / Душе, что хочет жить и не
 может любить...”

Библиография

Corbin 1988: A. Corbin, *Il segreto dell'individuo // La vita privata. L'Ottocento*, a cura di Ph. Ariès, G. Duby, Laterza, Bari, 1988.

Didier 1976 : B. Didier, *Le journal intime*, Presses universitaires de France, Paris, 1976.

Girard 1963 : A. Girard, *Le journal intime et la notion de personne*, Firmin Didot, Paris, 1963.

Kojève 2004: A. Kojève, *La notion de l'autorité*, Gallimard, Paris, 2004.

Offord, Argent, Rjéoutski 2018: D. Offord, G. Argent e V. Rjéoutski, *The French Language in Russia. A Social, Political, Cultural, and Literary History*, Amsterdam University Press, Amsterdam, 2018.

Pestalozzi 1901: I.H. Pestalozzi, *Wie Gertrud ihre Kinder lehrt // I.H. Pestalozzi, Sämtliche Werke*, herausgegeben von L.W. Seyffarth, Verlag Carl Seyffarth, Liegnitz, 1901, v. IX.

Венчание с Россией 1999: *Венчание с Россией*. Переписка великого князя Александра Николаевич с императором Николаем I, 1837 год, публ. Л.Г. Захаровой, Л.И. Тютюник, Издательство Московского университета, Москва, 1999.

Годы учения 1880: *Годы учения его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Александра Николаевича. 1826–1838 // Сборник Императорского Русского Исторического Общества*, б.и., Санкт-Петербург, 1881, т. 30.

Жуковский 2004: В.А. Жуковский, *Полное собрание сочинений и писем*, Языки славянской культуры, Москва, 2004, т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847.

Захарова 1993: Л.Г. Захарова, *Дневник цесаревича*, «Родина», 1993, 1, с. 54–59.

Лямина, Самовер 1999: Е.Э. Лямина, Н.В. Самовер, *Бедный Жозеф. Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: опыт биограф. человека 1830-х гг.*, Языки русской культуры, Москва, 1999.

Мердер 1885: К.К. Мердер, *Записки*, «Русская старина», 1885, т. 45, №2, с. 339–364; №3, с. 527–554; т. 46, №4, с. 87–124; №5, с. 264–280; №6, с. 481–510; №8, с. 223–238; т. 47, №9, с. 429–444; №12, с. 503–522.

Николай Павлович 2013: *Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825*, под ред. М.В. Сидоровой и М.Н. Силаевой, пер. Е.Э. Ляминой и О.В. Эдельман, РОССПЭН, Москва, 2013.

Переписка цесаревича 2008: *Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839 гг.*, под ред. Л.Г. Захаровой и С.В. Мироненко, РОССПЭН, Москва, 2008.

Из бумаг В.А. Жуковского 1908: *Из бумаг В.А. Жуковского. Обращение к десятилетнему цесаревичу и к его товарищам*, «Русский архив», 1908, №11, с. 385–389.

Уортман 2004: Р.С. Уортман, *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии*, ОГИ, Москва, 2002, т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I.

Янушкевич 2004: А.С. Янушкевич, *Дневники В.А. Жуковского как литературный памятник // В.А. Жуковский, Полное собрание сочинений и писем, Языки славянской культуры*, Москва, 2004, т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833, с. 397–419.